

Андрей ЦУХЛОВ, поэт. Окончил Ульяновский педагогический университет. Сотрудник пресс-службы Законодательного собрания Ульяновской области. Публиковался в журналах «Карамзинский сад», «Монгоид», «Симбирскъ», сборнике «С любовью трепетной» и др. Автор изданных в Ульяновске поэтических книг «Четверговый дождь» (2000), «После четвергового дождя» (2006), «Сверчок и поезд» (2011). Член Союза писателей России (2006).

ТЕХНИК-САН И ЗУБНАЯ ФЕЯ

Можно витать в эмпиреях, допустим,
и о политике рассуждать,
можно быть в тренде, в депрессе, дискуссии,
лайкать-дизлайкать, в соцсетях брюзжа.
Камнем на землю из мира-квази,
за бесполезность свою не прощен:
это случился засор в унитазае,
и из него неприятность течет.
И наконец-то явился спаситель,
немногословен, конкретен причем.
«Что там у вас? Унитаз? Покажите!»
Мощно нисходит с волшебным ключом
на девятнадцать иль на семнадцать.
Не исключая – на все двадцать пять!..
Это тебе не в носу ковыряться!
Это тебе не комменты писать!
Низкий поклон тебе, добрый сантехник,
за настоящий, за подлинный труд.
Ты зачищаешь его за этими,
руки у коих оттуда растут.

Кстати, о скрежете тихом зубовном...
Как ни терпи, а идти в кабинет.
Вот словно к кресту для пыток прикован.
Зуд бормашины. Блестит инструмент.
«Кем вы работаете?» «Просто житель...»
В блоге пишу... Массмедийный проект...»
«Что там у вас? Где болит? Покажите!»
Рот нараспашку, в лицо – яркий свет.
Внутренний мир небогат и невзрачен:
пломба, прореха, здесь подлечить...
Зуб воссоздать – вот для феи задача.
Это тебе не стишатики строчить!
Слава не мне, а такому народу!
Толку и смыслу слава!

Итог:

Плюну в экран и уйду в скотоводы,
чтобы с меня был хоть шерсти клок!

КОЛОБОК

Я покинул родные сусеки с легким сердцем и очень рад.
 Просто было предчувствие некое, что валить пора со двора.
 В доме сгорбленном худо-бедно наскребли из того, что есть.
 Просто было голодно, беспросветно, меня просто хотели съесть.
 Что черстветь и киснуть на месте, сыпать крошками день за днем?
 Был я раньше безвольным тестом и вот – легок стал на подъем!
 Я качусь на четыре стороны, я как легкий бильярдный шар.
 Каждый день новизна – это здорово, надо в путь поспешать, поспешать.
 Я по форме и сути – планета! Да румян, в чем-то солнцелик.
 Я – всему голова! И это я в дороге только постиг.
 Я клубок-колобок, эй, звери! Я от вас ухожу, ухожу.
 Потому что я вам не верю, о покинутых не тужу.
 Вам спасибо за зубы, за пасти, и за хищный ваш аппетит.
 И качусь я за хлебным счастьем, сердце-мякиш призывно стучит.
 Мне зачем однобокость, стабильность? Я вприпрыжку, вприпрыжку, как мяч.
 Мне дорога эта по силам, не остыл, до сих пор горяч.
 И клевали меня и сжирали воронье и стая волков.
 Я катился, катился всё далее, и везде-то я был таков.
 В телевизорах – лисьи морды. А я – мимо, от песен осип.
 Если где и вращаться задорно – то вокруг лишь своей оси.
 Я, как выпечка, свеж, беспечен, хоть в печали был испечён.
 Мир, конечно, округл, но конечен, до финала неблизко ещё.
 В удалом хвостовстве, припеваючи, часто ловко спасаясь от бед,
 я тревожусь теперь все чаще: как мои там бабуля и дед?
 Ведь у них никого не осталось, все ушли навсегда колобки.
 Дом скукожился, обветшал он, там по стенам подтеки тоски.
 Чем там бабушка лечит суставы, и о чём там ворчит старик?
 Кот ученый в костюмчике старом сказки там всё ещё говорит?
 Почтальон донесет ли пенсию, довезет автолавка хлеб?
 Доберется ли скорая, если... если что... через грязь, может, нет.
 Есть ли тапочки, шаль, продукты, валидол, и почем дрова?
 Это я тут веселый и круглый, а там в огороде – трава.
 Там мышам по сусекам не прыгать, ведь амбары давно пусты.
 Печка теплится в холодрыгу иль давно успела остыть?
 И на полке старые фото, пожелтели они чуток.
 А на фото, спросите, кто там? Там я маленький, колобок.
 Или можно теперь воротиться, и не поздно вкатиться в избу
 блудным хлебом по половицам, и на стол – загладить вину.
 Преломиться краюхами сдобными, вот поди удивятся они!
 Я вернулся, скажу, я сподобился, угощайтесь, родные мои.
 ...Как найти теперь адрес точный? Где тот дом? В горле ком. Точка. Ком.
 Солнце с неба скатиться хочет и уйти от нас колобком...

* * *

С утра покажут нам в окне, что склизко под колесами.
 Как в кинохронике, там непонятное, белёсое.
 Машины, будто овцы, прут, да и столбы, как идолы.
 И снег, как пудра хрусткая, ух, снега понасыпали!..
 И все запудрены кругом, и всё слегка припудрено.
 Начинки разные, и дом пекарней смотрит утренней.
 Снуют прохожие, снуют безмолвно-безыдейные.
 Такое настроенье тут – задумчиво-глинтвейное.
 И не ступать бы за порог. Вооружившись книжицей,
 Порезать апельсин и вот – вино нагреть с корицею.
 Деревья успокоились, стоят, хитросплетенные.
 Разметка скрыта, полосы, сметённо-заметённые.
 И бодрость нарочитая с утра телеведущего,
 И – на кого рассчитано? – расхожести жующего,
 В прогноз погоды веруя в своем мирке живущего...
 Пусть носороги-грейдеры грядут в свое грядущее.
 А пастырь кто машинных стад? Их фары – близорукие.
 Зачем пространство ворошат вновь шинами упругими?
 Куда ведёшь, ведущий-лжец, из зазеркалья ящика?
 Сегодня остаёмся здесь, сегодня – «день жестянщика».

ПЧЕЛА И МУХА (#какбыбасня)

На самом деле, никогда, за всю историю
их не пересекались траектории.
Но в силу всяческих природных аномалий
присели рядышком. Наверное, устали.
Взглянули друг на дружку насекомо...
Пчела спросила:
– Как дела, как дома?
И муха ей ответила сурово:
– Дела? Дела – они у прокурора.
Что б я маралась всяческой работой?
Не вижу смысла. Да и неохота.
Что б ты ни делал – будет все одно.
Наш мир – оно. Унылое оно.
– Но, милочка, а вас не напрягает,
что вы грязны и что от вас воняет?
Мне кажется, что если посижу
подольше здесь – то мухой зажужжу
и всё увижу через говнопризму,
мушиному предавшись пессимизму.
Но есть же луг, цветы, прополис, мед...

– Пока на это кто-то не на...ёт.
Вот ты чуть свет – уже летишь, таскаешь
нектар, а через месяц помираешь,
себя похоронив. И то не диво:
никто тебе не скажет: «Вот спасибо!».
Ни пенсия, ни льгот, ни уваженья.
К чему в итоге всё пчелокруженье?
Вся жизнь твоя – убогая задача:
лишь только от цветка к цветку хреначить.
– Ну что ж, пчелочка, вам не по пути...
– Ну так лети себе и не бухти.
И вновь пчела на развотравье мчится,
к зловонной скалке – муха-озорница.
Вот перспектива края мироздания:
вдруг да найдут взаимопониманье.
Ползет муха в мед, пчела слетит на труп...
Как хорошо, что не сдружились вдруг!
Тебе ж, читатель, как мораль – совет:
мух отдельной от пчел и от котлет.

* * *

Что муравей? Трудом своим прекрасен.
Крыловым он описан и обасен.
Для гусениц-жуков весьма опасен,
вполне для энтомологов он ясен.
Для них нет чуда, темы для беседы,
(они такие, муравееведы),
А мы, конечно, в удивленье были:
как, почему у них возникли крылья?!
Работали-работали – и здрасте:
летят! То ль в отпуск, то ли восвояси.
Разрыв шаблона, крах предубеждений...
Взлетел рожденный бегать, без сомнений!
...Крыловым основательно обасен,
остался в трудовольной испостаси.
А мог бы быть, конечно, окрылён!

* * *

Редющий лес (ибо доски нужны и дрова).
И вянущая трава, как седеющая шевелюра.
Небо поделено птицами на сектора.
Был здесь когда-то юрский период де-юре.

Где-то неподалеку скитаются кабаны,
странники леса, ждущие ночи, как одеяла.
Ваши глаза такие, страхи в них все видны,
а пяточки – монеты, которых мало.

А под ногами шуршит листва, вновь шуршит листва.
Воздух, которым нельзя надышаться впрок.
Сырость, как милость, сентябрьский мыслепад.
Царапины тропок и раны лесных дорог.

Выпутаться из глобальной сети... Паутинки блестят.
Остановиться, перекусить, оглядеться, передохнуть.
Группа древесных грибов, как тарелки инопланетян,
пришвартовалась к березе, закончив путь.